

Представляя рубрику

Особенности экономической системы и экономического развития Японии неоднократно становились предметом исследований отечественных учёных. Однако следующие один за другим глобальные кризисы — сначала пандемия COVID-19, затем резкое изменение геополитического баланса после начала российской СВО на Украине — неизбежно оказывают глубокое влияние на экономики подавляющего большинства стран мира, включая и Японию. Новые шоки усугубляют «хронические» проблемы японской экономики, которые она переживает на протяжении трёх десятилетий: снижение рождаемости и старение населения, вызывающие нехватку трудовых ресурсов и напряжение бюджета в реализации социальных программ¹; дефицит торгового баланса с сильной импортной зависимостью от энергоресурсов и продовольствия и экспортной направленностью готовой продукции; укоренившаяся дефляционная модель²; кризис государственных финансов; неуклонно увеличивающийся государственный долг, который к настоящему времени почти в 2,6 раза превышает ВВП страны. К этому необходимо добавить постоянно растущую конкуренцию со стороны быстро развивающихся государств Восточной и Юго-Восточной Азии. Так, в тройке мировых экономических лидеров Японии пришлось уступить свою позицию Китаю, опустившись на третье место по стоимостному объёму ВВП. За годы «потерянных десятилетий» в Японии не удалось преодолеть застой совокупного спроса: потребительская, инвестиционная,

¹ Так, например, в принятом парламентом проекте бюджета на очередной финансовый год, который начинается с 1 апреля с.г., примерно треть расходной части пойдёт на социальные нужды: выплаты пенсий и медицинских страховок.

² В прошлом году сменилась инфляцией, отмечается рост цен на потребительские товары, особенно на импортное продовольствие, электроэнергию, бензин. В японском обществе, где цены на основные товары оставались неизменными на протяжении десятилетий, такое подорожание воспринимается очень остро, вызывая снижение потребления и подрывая перспективы восстановления экономики после ковидных ограничений. В свою очередь, предприятия, на которые оказывает давление правительство, пытаются заставить их повысить заработные платы, борются за выживание в условиях слабого спроса.

инновационно-предпринимательская активность слабо откликнулись на попытки стимулирования. Затянувшийся эксперимент со «сверхмягкой» кредитно-денежной политикой может завершиться в текущем году, когда обновившееся руководство Банка Японии сочтёт рост фиксированной части зарплат достаточным основанием для реакции на инфляцию и повысит процентные ставки. Последствия ужесточения монетарной политики скажутся не только на Японии, но и на фондовых рынках всего мира.

Безусловно, японское правительство пытается решить данные проблемы, формируя программы по экономическому развитию государства. Не является исключением и кабинет премьер-министра Кисида, который пришёл к власти в октябре 2021 г. Нашу рубрику открывает статья **Е.А. Горячевой**, посвящённая анализу предложенной Кисидой программы, получившей название «Новый капитализм». Автор справедливо отмечает, что практически с самого начала своего правления новому премьер-министру Японии пришлось действовать в условиях резко обострившейся геополитической ситуации, пытаясь искать баланс между сохранением лояльности своим союзникам — США и Европе, и соблюдением собственных национальных интересов. Между тем ряд японских экономистов полагает, что предложенная программа является не оригинальным проектом, но логическим продолжением прежних планов, реализуемых кабинетами Абэ и его преемника Суга. В статье представлен достаточно подробный обзор каждой из пяти частей программы, в которых определяются ключевые проблемы текущей политико-экономической ситуации в Японии и предлагаемые правительством страны пути их решения. Реализация начального этапа программы совпала с рядом принятых в 2022 г. кабинетом Кисида «спонтанных», но крайне важных решений: кратного увеличения оборонного бюджета страны, декларации беспрецедентных мер поддержки экономически уязвимых групп населения, прежде всего семей с детьми, государственного субсидирования для сдерживания роста цен на электроэнергию, бытовой газ и бензин. Всё это повлечёт за собой необходимость изыскивания дополнительных средств за счёт повышения некоторых статей налогообложения. Тщательный анализ наиболее крупных и авторитетных СМИ Японии позволил автору сделать вывод о том, что представители как либеральных, так и консервативных кругов страны негативно оценивают новый экономический план Кисида, относя к его основным недостаткам неконкретность и размытость

общих формулировок, а также утопичность схем финансирования для осуществления мероприятий проекта в современной геополитической реальности государства. Чтобы реализовать планы по возрождению экономики Японии и удержаться у власти, сохранив поддержку населения, кабинету Кисида придётся проводить очень тонкую политику экономического маневрирования.

Влияние, которое оказали продолжающаяся пандемия COVID-19 и кризис на Украине на состояние экономики Японии, подробно осветила в своей статье **А.С. Мостовая**. Отметив все негативные последствия внешних шоков и активного участия страны в антироссийских санкциях: «ослабление» национальной валюты, рост потребительских цен, снижение доходов населения и др., — автор обращает внимание на то, что благодаря системно осуществляемой на протяжении многих десятилетий политике в сфере сырьевой безопасности японским властям в 2022 г. удалось смягчить отрицательный эффект энергетического и продовольственного кризисов. В целом международные экономические организации (МВФ и ОЭСР) дают оптимистичные прогнозы по развитию японской экономики. Однако, несмотря на это, указанные выше тенденции будут сохраняться, прогнозируется также усиление процессов оттока капитала из Японии и выноса производства в страны с более высокими прибылями, рост безработицы, замедление темпов экономического роста. Автор полагает, что в текущих условиях геополитической неопределённости японское правительство уделяет всё больше внимания вопросам национальной безопасности, в том числе экономической, пытаясь занять своё место в новом миропорядке. На второй план отходит участие в решении глобальных проблем человечества, вместо этого наблюдается концентрация на собственных интересах, важнейшими из которых являются встраивание в новую систему мирохозяйственных связей, повышение роли в азиатских странах, реконструкция исключая участие России и КНР цепочек добавленной стоимости на основе «общих ценностей».

Одним из факторов успешной реализации программы «нового капитализма» были определены инвестиции в молодые инновационные предприятия — стартапы. Анализ мероприятий «Пятилетнего плана развития стартапов», опубликованного японским правительством в конце 2022 г., представлен в статье **И.Ю. Наумовой**. Деловые круги, эксперты и правительственные чиновники осознают слабые позиции современной Японии в международном сопоставлении предпринимательской активности

и конкурентоспособности национальной экономики в целом, а также настоятельную необходимость скорейшего изменения ситуации. Автор рассматривает структуру конкретных инициатив японского правительства по финансово-организационному направлению плана развития японских стартапов на ближайшие пять лет. Из трёх основных («осевых») направлений «Пятилетнего плана развития стартапов»: (1) подготовка человеческих ресурсов и построение кадровых сетей для создания стартапов, (2) усиление финансирования стартапов и диверсификация стратегий выхода инвесторов, (3) продвижение открытых инноваций, — наибольшее внимание уделено содержанию второго направления, поскольку данная часть наиболее весома по количеству мероприятий (28 из 59), конкретна, а представленная в ней система мер сопоставима с аналогичным инструментарием глобальных экосистем. Это те меры, которые правительство реально может воплотить, используя имеющиеся у него правовые, бюджетные, административные рычаги, путём активизации инвестиционной и организационной функций в отношении как находящихся под его контролем государственно-частных фондов и правительственных организаций, так и агентов и структур частного делового пространства. Индикаторами выполнения плана указывается увеличение в 10 раз и общего количества стартапов, и объёмов венчурного финансирования, и количества компаний-единорогов. Автором проанализированы пути реформирования режимов и процедур, регулирующих финансовое взаимодействие руководства стартапов с инвесторами, структурами фондового рынка, собственными сотрудниками и государством с целью обеспечения «комфортности» экосистемы стартапов и соблюдения баланса интересов всех её участников.

Эффективным инструментом увеличения финансового и иного ресурсного обеспечения реализации масштабных инновационных проектов в существенно сокращённые сроки является государственно-частное партнёрство (ГЧП). Результаты практического опыта реализации ГЧП в Японии представили в своей статье **Н.А. Воробьёва, О.Е. Сумарокова и А.А. Паленко**. Система государственно-частного партнёрства в Японии существует на протяжении более двадцати лет и сложилась в ходе поэтапной исторической трансформации. На первоначальном этапе, когда экономика страны находилась в состоянии стагнации, использование партнёрства рассматривалось японскими властями в первую очередь через призму стимулирования хозяйственной активности в стране. Впоследствии

правительство скорректировало своё понимание основных задач ГЧП, рассматривая его как «содействие развитию социальной инфраструктуры путём привлечения финансовых средств, управленческого и технологического потенциала частного сектора, а также обеспечение предоставления населению экономических и качественных общественных услуг». Именно так формулируется основная цель Закона о частной финансовой инициативе (PFI), который выполняет роль законодательного фундамента системы регулирования государственно-частного партнёрства в Японии. Авторы выделяют специфические японские инструменты, используемые при реализации проектов ГЧП: инструмент «рыночного тестирования» — система «соревновательных тендеров», участниками которых являются как органы сферы общественного предпринимательства, так и частный бизнес (государство не просто прибегает к помощи частного сектора, а соревнуется с ним); «система уполномоченных управляющих» (*ситэй канрися*) — привлечение частного бизнеса к управлению инфраструктурными учреждениями. С 1999 по 2020 г. в Японии было реализовано 875 проектов по системе частной финансовой инициативы. Среди них преобладают проекты, связанные с образовательной и культурной деятельностью (292 проекта), городским благоустройством (220 проектов), сферой здравоохранения и защитой окружающей среды (131 проект). Авторы приходят к выводу, что к настоящему времени ГЧП заняло важную нишу в национальной экономике Японии. Благодаря ему появилось множество проектов общественной инфраструктуры, а государство получило возможность поддерживать высокий уровень административных услуг при ограниченных бюджетных возможностях местных властей. Несмотря на имеющиеся несовершенства системы ГЧП, правительство прилагает максимум усилий, стараясь разработать оптимальный для всех сторон механизм работы.

Изменениям, происходящим в корпоративной культуре Японии в постковидных реалиях, посвятила свою статью **А.А. Паленко**. Культура японских корпораций претерпевала определённую трансформацию и до появления коронавируса, ковидные ограничения лишь ускорили и диверсифицировали эти изменения, которые, по мнению автора, способны в конечном итоге привести к утрате целого ряда её специфических черт и ценностей. Среди них выделяются ориентированность на группу и её интересы, иерархичность, стремление к бесконфликтности и поиску консенсуса при принятии решений. Большую роль японской деловой культуре и менеджменте играет имплицитная передача знаний и «молчаливое понимание»,

что подразумевает постоянную личную коммуникацию, наличие разнообразных, в том числе и неформальных, инструментов общения.

Необходимость соблюдения режима самоизоляции форсировала переход к новым информационно-коммуникативным технологиям, в том числе широкому внедрению телеработы, которая хотя формально и обеспечила наличие каналов коммуникации, но вынудила работников перейти к большей автономности. Результаты перехода в онлайн-формат оказались довольно противоречивыми как для японских фирм, так и их сотрудников. Экономическая выгода от сокращения офисных площадей нивелируется появлением сложностей, связанных с изменением системы найма работников, контролем, управлением рабочим временем, а также оценкой работы сотрудников. В свою очередь, неприспособленность домашних условий, трудности с установлением чёткого режима влекут за собой увеличение продолжительности сверхурочной работы, но при этом отмечается снижение производительности труда. Отсутствие или резкое сокращение традиционных форм общения вызывают чувство изолированности и одиночества у многих японских служащих. С другой стороны, они получили возможность улучшить баланс между работой и личной жизнью, проводить больше времени с семьёй, что стимулирует их стремление и в дальнейшем продолжать работать дистанционно. Автор отмечает, что с учётом глубокой традиционности японского общества, переход к новым формам оказывается болезненным и для компаний, и для людей. Альтернативой может стать появление нового стандарта, который позволил бы модернизировать организацию труда, сохраняя при этом сильные стороны японской корпоративной культуры.

Ж.М. Баженова,

канд. ист. наук, учёный секретарь Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

И.Ю. Наумова,

канд. ист. наук, профессор кафедры японоведения Восточного института Дальневосточного федерального университета